

УДК 882(091)

Н.А. Некрасов и Л.Н. Толстой (опыт анализа творческой переключки поэта и прозаика)

А.А. Нестеренко

На основе изучения творческой переключки поэта и прозаика сделан вывод, что Л.Н. Толстой и в стихах, и в прозе усматривал три элемента: самый главный – содержание, затем – любовь автора к своему произведению и наконец – технику. По мнению писателя, «только гармония содержания и любви дает полноту произведения, и тогда, обыкновенно, третий элемент – техника – достигает совершенства сам собою».

Тема «Некрасов о Льве Толстом», как и «Лев Толстой о Некрасове», интересна уже в силу сопряжения этих славных и таких разных имен. Но она проще в том смысле, что печатных свидетельств Некрасова о Толстом осталось больше, чем Толстого о Некрасове. Последнее обстоятельство, в первую очередь, и питало наше любопытство.

Н.А. Некрасов считается «литературным крестным отцом» Толстого: это ему, редактору «Современника», неким автором была послана с Кавказа повесть «Детство», затем рассказ «Набег» и продолжение первой повести «Отрочество»; это он, Некрасов, мужественно деливший себя между литературой и журналистикой, прозорливо угадал в человеке, скрывшемся за инициалами «Л.Н.Т.», писателя «правды, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе» (Н-12, X, 241)*.

Сначала деловая и дружеская переписка, а затем личное знакомство Толстого и Некрасова вкраплены в отрезок времени длиной в 23 года. И так получилось, что в этих взаимоотношениях Некрасов навсегда остался для Толстого редактором, пестуном, а усложненные поиски истины, которые всю жизнь вел великий протестант и поборник справедливости, оказались удаленными от поэзии, наполненной скорбью, гневом и решимостью. Видимо, поэтому Некрасов оставил существенные оценки художественного творчества своего младшего собрата по литературе, а Толстой по отношению к поэзии Некрасова всегда оставался лишь читателем.

Не следует забывать и того, что дружба Толстого с некрасовским «Современником» однажды драматически расстроилась, вследствие идейного раскола редакции, и уже не возобновлялась по существу. Некрасов и Толстой оказались в разных идейных группировках. И без того не слишком прочные контакты совсем ослабли.

Между тем вопрос о соотношении творчества Толстого и Некрасова всегда оставался актуальным. Даже наугад выхваченные параллели интересны для исследования.

---

* Некрасовские тексты цитируются по двум изданиям:

Н.А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. – М.: 1948–1953;

Н.А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. – Л.: 1981;

(Сокращенно: Н-12 и Н-15, затем римскими цифрами указывается том, арабскими – страницы).

В самом деле. В чем отличие Петра Ивановича Лабазова из несостоявшейся повести Толстого «Декабристы» от некрасовских декабристов в его историко-революционных поэмах «Дедушка» и «Русские женщины»? Как решается проблема «герой и народ» в «Войне и мире» и поэме «Кому на Руси жить хорошо»? Как освещается народная жизнь в этой поэме и в тогда же написанной «Анне Карениной»? Насколько перекликается образ некрасовского безымянного мужика из стихотворения «С работы» с чертами характера толстовского Платона Каратаева? А когда мы читаем в трактате «В чем моя вера?» о казни людей такими же людьми» с помощью шпицрутенов, гильотин, виселиц, разве не вспоминается некрасовское:

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки

Барабана, цепей, топора?.. (Н-15, II, 152). Уже эти параллели свидетельствуют об определенной взаимосвязанности этих вроде бы неблизких художественных миров.

Толстой читает Некрасова

В отзыве одного художника о другом, быть может, самое ценное – неповторимость мнения. Толстой, как известно, судил об искусстве своеобразно и вместе с тем нелицеприятно. Если учесть это обстоятельство и иметь в виду историю и характер взаимоотношений Толстого и Некрасова, а также не забыть, что они работали в разных родах и жанрах литературы, то станет понятно, насколько сложным могло быть отношение Л.Н. Толстого к поэзии Н.А. Некрасова.

На чем укрепились доверительно-уважительное отношение молодого Толстого к опытному уже литератору, каким был в начале 50-х годов Некрасов? На общности художнических принципов. Если редактор «Современника» подметил в «Детстве» Толстого «простоту и действительность содержания» (Н-12, X, 176), то лучшей оценки молодой автор не мог и ждать, так как сам дорожил тем же. На фоне рецидивов отжившего выспренне-романтического направления в русской литературе того времени подобное взаимоотношение означало много. Путь Некрасова к его знаменитому сборнику 1856 года пролегал тоже через школу «простоты и действительности содержания». А Толстой в 1853 году записывает: «Пробный камень ясного понимания предмета состоит в том, чтобы ... передать его на простонародном языке необразованному человеку» (ПССТ, XLVI, 286)*. И когда пал Севастополь, защитником которого вместе с «необразованными людьми» был и Толстой, то Некрасов в Петербурге написал о «действительном содержании»:

---

* Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч.: В 90 т. (Юбил. изд.). – М., 1928–1958. – Т. 46. – С. 286. Далее ссылки на это издание даются в тексте (ПССТ, римскими цифрами – обозначается том, арабскими – страница).

О, не склоняй победной головы
В унынии, разумный сын отчизны,
Не говори: погибли мы. Увы! –
Бесплодна грусть, напрасны укоризны (Н-15, 1, 174).

Очень близка этому четверостишию дневниковая запись Толстого, сделанная буквально 18 дней спустя: «Я, кажется, сильно на примете у синих (жандармов. – А.Н.) за свои статьи («Севастопольские рассказы». – А.Н.). Желая, впрочем, чтобы всегда Россия имела таких нравственных писателей; но сладеньким уж я никак не могу быть и тоже писать из пустого в порожнее, без мысли и, главное, без цели!» (ПССТ, XLII, 60).

Несомненно, запись эта могла появиться только после ободряющего письма Некрасова (от 2 сентября 1855 г.), строчку из которого мы цитировали в самом начале. Толстой благодаря Некрасову почувствовал себя писателем, полезным своей стране.

Однажды зимой, уже в Петербурге, мучительно почувствовав свое одиночество, Толстой пошел к Некрасову. Его он застал в подобном состоянии и, кроме того, больным. Поэт тогда писал одно из лучших своих стихотворений «Замолкни, Муза мести и печали!» Оно очень понравилось Толстому. Не столько жалость к товарищу по перу, сколько общее душевное настроение сблизило их. А стихотворение это, как вспоминал он уже в 1980 г., Толстой запомнил сразу наизусть, особенно первую строфу:

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю – и молчу (Н-15, 1, 182).

Общие моменты в литературных судьбах Некрасова и Толстого обнаруживаются подчас неожиданно (но не случайно).

Январь 1857 года. Повесть Толстого «Юность» уже напечатана для первого номера «Современника». И все-таки цензура успевает ее повымарать. Оказывается, усиленную зоркость она проявила не зря: за два номера до этого Н.Г. Чернышевский рискнул перепечатать из только что вышедших в свет «Стихотворений» Некрасова «Поэта и гражданина», «Забытую деревню» и «Отрывки из путевых записок гр. Гаранского»; редактор был строго предупрежден против подобных «нежелательных публикаций». Своим взволнованным чувством близок Толстому и некрасовский «Рыцарь на час». Близок своей пронзительной самокритичностью, гражданским пафосом и демократизмом авторской позиции:

Что, друзья? Наши силы не равные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на все безрассудно дерзал.
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет –
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни – вперед и вперед! (Н-15, И, 138).

И особенно вот это:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви! (Н-15, II, 138).

Это произведение Некрасов создает в разгар революционного подъема (1862) – страстную исповедь поэта, признание в жажде очищения от конъюнктурных забот, от сделок с совестью, от всего того, что отягчает жизнь истинного борца за свободу народа. И напряженность гражданственного и нравственного чувства Некрасова в этом значительном стихотворении передалась Толстому неслучайно. Вспомним, что именно в это время, находясь за границей, Толстой начинает писать роман «Декабристы» – зародыш будущей эпопеи «Война и мир», тогда же, во Флоренции, он с большим волнением знакомится с декабристом С.Г. Волконским. В марте 1861 г. в письме к А.И. Герцену дает известную резко отрицательную оценку Манифеста 19 февраля; и вскоре в Брюсселе, по рекомендации того же Герцена, посещает польского революционера Иохима Лелевеля, портрет которого по возвращении в Ясную Поляну повесил в своем кабинете; а весь остаток 1861 г. прошел у Толстого в хлопотах об издании народного педагогического журнала «Ясная Поляна» и организацией третьей по счету школы для крестьянских детей. «Реестр» бурной деятельности Толстого в этот период хочется закончить напоминанием о том, что в январе 1862 г. были установлены тайные наблюдения за Толстым со стороны III отделения. Как и Некрасов, Толстой в это время захвачен, словами поэта, «безумной жаждой жизни», т.е. активной гражданской деятельностью.

Кстати, «Рыцарь на час» надолго и глубоко тронул писателя, он вспоминает о нем и спустя 45 лет, в 1907 г., когда читали стихи вслух в доме Толстых.

Некрасов как мастер мастеру пишет Толстому в 50-е годы о своем неустанном упорстве в работе рифмой (к сожалению, письмо не сохранилось). Это уже разговор профессионалов, не только достойных друг друга, но друг другу доверяющих.

Из дневника Толстого известно, что в сентябре 1884 г. он перечитывал Некрасова, чтобы выбрать стихотворения, подходящие для чтения детям, в один и тот же день читал Тургеньева, Салтыкова-Щедрина и Некрасова – «все прекрасно» (ПССТ, XLIX,121). Жаль, что ни одно из этих произведений в дневнике не названо. А год спустя, сравнивая баллады А.К. Толстого со стихотворениями Некрасова, Л.Н. Толстой говорил, что у него однофамильца не выдержан поэтический тон: «начнет высоко, а кончит куплет уж водевильно», в то время как у Некрасова «тон всегда выдержан от начала до конца, у того (Некрасова. – А.Н.) чуть больше...». В устах Толстого после «перелома» в мировоззрении, когда далеко не все в искусстве им одобрялось, эта тонкая оценка поэзии Некрасова может считаться высокой похвалой. Кроме того, светская поэзия А.К. Толстого, представляющая собой иногда стилизацию под славянофильское народничество, мало что могла говорить Льву Николаевичу.

Поликушка–Иван
(тип крестьянина 60-х годов XIX века у Толстого и Некрасова)

Толстой читает вслух домашним нравящееся ему стихотворение «Эй, Иван!». Этот отзыв побуждает нас поразмышлять, и не только в плане «выдержанности тона» некрасовского стихотворения. Совершенно очевидно, что в этом случае налицо своеобразная творческая переключка двух писателей-современников.

Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 года, то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов. Такова была и позиция некрасовского «Современника», и хотя в редакции задолго до этого произошло идейное размежевание творческих сил, «ушедший» из журнала Л.Н. Толстой, не сговариваясь с теперешними своими оппонентами, оценил манифест в той же степени, как и они, отрицательно: «...Мужики ни слова не поймут, а мы (передовые люди из дворян. – А.Н.) ни слову не поверим», – писал он манифесте А.И. Герцену. (ПССТ, LX, 372).

Н.А. Некрасов «отметил» факт крестьянской реформы как редактор вполне определенно: в мартовском номере журнала не было хвалебных статей по поводу манифеста, а были помещены переведенные М.Л. Михайловым «Песни о неграх» Г. Лонгфелло, где говорилось о рабовладельчестве. Была напечатана статья В.А. Обручева «Невольничество в Северной Америке», а чуть позже – поэма Т.Г. Шевченко «Гайдамаки», рисующая народный бунт.

Как человек и поэт Некрасов, резко отрицательно (по словам Чернышевского) встретивший манифест, откликнулся на реформу стихотворением «Свобода», в котором подал голос не восторга, но надежды:

Родина мать! По равнинам твоим
Я не ездal еще с чувством таким!

И в заключение:

Муза! С надеждой приветствуй свободу! (Н-15, II, 127).

Общий «безоблачный» тон стихотворения, не характерный для крестьянских стихов Некрасова, вступал в явное противоречие с позицией «Современника» по отношению к реформе. Поэтому «Свобода» была напечатана лишь в 1869 году.

Л.Н. Толстой же в 1861–62 годах пишет, а в 1863 году публикует повесть «Поликушка», где «мир рабства» становится главной темой авторского исследования. Сопоставление крепостной забитости мужика и потенциала возможностей народного сознания обретает здесь трагичное звучание. Это был своеобразный художественный отклик Толстого на реформу 1861 года – совсем в духе «Современника», хотя написанный «оппозиционером» этого журнала.

А что Некрасов? В течение плодотворного «грешневского лета» 1861 года, когда поэт прямо общался с крестьянским миром, были созданы подлинно народные произведения: «На смерть Шевченко», «Похороны», «Дума», «Крестьянские дети», «Коро-

бейники». Они как бы покрывали своей прозрачной и горькой правдивостью «неверный звук» стихотворения «Свобода».

Проходит еще 6 лет – и появляется стихотворение Некрасова «Эй, Иван!» (1867). Оно написано в один год с покаянным стихотворением «Умру я скоро», в котором трогательная мольба о прощении:

За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! Прости!.. (Н-15, III, 41)

мотивировалась целым рядом судьбоносных моментов жизни поэта: и гнетущим впечатлениями детства и молодости, и отсутствием творческой свободы, и невольной оторванностью от народа, и уходом от единомышленников.

Будучи великим актом, устранившим многовековое зло, отмена рабства не могла устранить все последствия этого зла, не могла излечить ни барина, ни мужика от той порчи, той деморализации, которая была порождена рабством. «Оскудение» материальное и еще большее нравственное по необходимости должно было продолжаться и после реформы («дело веков поправлять нелегко» – читаем в поэме Некрасова «Саша»), – и оно было бы еще значительнее и печальнее, если бы ряд других реформ 60-х годов не внес некоторого оздоровляющего начала в русскую жизнь. К сожалению, эти реформы остались незавершенными, и последовавшая вскоре реакция в значительной мере парализовала их благое действие.

Недовольство и сопротивление обманутых и обобранных крестьянских масс было очень велико, особенно в первые два года после манифеста (напомним: повесть «Поликушка» написана именно в это время; к этому же периоду относится и судьба героя некрасовского стихотворения «Эй, Иван!», отнесенного автором к «типу недавнего прошлого»). Весь набор «аргументов и фактов» неладных отношений мужика и барина собран в бедном Иване:

На желудке мало пищи,
Чуть живой на взгляд,
Не прикрыты, голенищи
Рыжие торчат ...

На запятках и в передней
Жизнь веками шла.

Выпить может сто стаканов –
Только подноси ...
Мало ли таких Иванов
На святой Руси?

И, как результат пьяного угара, – бесшабашное отчаяние:

В Ваньке пляшут все суставы
С ног и до ушей,
Пляшут ноздри, пляшет в ухе
Белая серьга.
Ванька весел, Ванька в духе –
Жизнь не дорога! (Н-15,Ш, 55–56).

Пьянство, конечно, не красит русского человека; бедность не порок, но и пьянство не добродетель. Все это так. Но вот что вспоминает известный русский юрист и литератор А.Ф. Кони об одном из разговоров с Толстым (конец 80-х годов), где ему пришлось высказать перед писателем свое понимание этого русского порока в людях типа Ивана и Поликушки. Это была «одна из тех типических русских бесед, которые с особенной любовью ведутся в передней при уходе или на краешке постели».

«Иногда, простившись со мною, – пишет Кони, – Толстой уходил за перегородку и там что-нибудь разбивал, вновь начинал разговор, но, затронутый или заинтересованный каким-либо моим ответом, снова входил в мое отделение (комнаты «под сводами». – А.Н.), и прерванная беседа возобновлялась. Один из таких случаев остался у меня в памяти». «А какого вы мнения о Некрасове?», – спросил он у меня из-за перегородки, что-то передвигая. Я отвечал, что он принес огромную пользу русскому молодому поколению, родившемуся и воспитанному в городах, тем, что, вместе с Тургеневым, научил его знать, ценить и любить русскую сельскую природу и простого русского человека, воспев их в берущих за душу стихах; что же касается до его личных свойств, то я не верю яростным наветам на него и, во всяком случае, считаю, что то, что он был игрок, еще не дает права ставить на его личность крест и называть его дурным человеком. «Он был, – продолжал я, – одержим страстью к игре, обратившейся, если угодно, в порок, но порочный человек не всегда дурной человек. Нередко, вне узких рамок своей пагубной страсти, порочные люди являют такие стороны души, которые многое искупают. Наоборот, так называемые хорошие люди подчас, при внешней безупречности, проявляют грубый эгоизм и бессердечие. Жизненный опыт дает частые подтверждения этому. Игроки нередко бывают смелыми и великодушными людьми, чуждыми жизненной скупости и черствой расчетливости; пьяницы часто отличаются, в трезвом состоянии, истинной добротой. Недаром Достоевский сказал, что в России добрые люди – почти всегда пьяные люди, и пьяные люди – всегда добрые люди».

...Выслушав это мнение, Толстой вышел из-за перегородки со светлым выражением лица и, сев на «краешек», сказал мне: «Ну, вот, вот, и я это именно всегда думал и говорил, – это различие необходимо делать!» – и между ссылок и доказательств в подтверждение нашей общей мысли».

Мы имеем здесь еще одно мнение Толстого о Некрасове, высказанное Кони. Это мнение двухаспектное: о Некрасове-художнике и Некрасове-человеке. Оценка Кони художественного таланта Некрасова носит хотя и общий, но проницательный характер: любовь к русской сельской природе и простому русскому человеку в его лирических произведениях «пользует» молодых русских, родившихся и воспитанных в городах. Несомненно, что Толстой, написавший трактаты «Так что же нам делать?», «Что такое

искусство?», «Исповедь», «народные» рассказы, полностью разделял этот взгляд. Второй аспект отношения Кони и Толстого к Некрасову – «морально-бытовой» – более развернут, и носит характер оправдательного приговора по отношению к порочным людям, как правило, добродетельным за пределами этого порока.

А.Ф. Кони написал эту тираду, конечно, ради оправдания известных «недостатков» Некрасова его «литературными и нравственными заслугами».

Но мы можем применить сей высокопедагогичный принцип и к литературному герою Некрасова Ивану, а также к Поликушке Толстого.

Трудно сказать, насколько Некрасов считал Толстого своим единомышленником после «раскола» в «Современнике», но написано стихотворение «Эй, Иван!» не случайно: в один год с «Умру я скоро...», неслучайно и его поразительное фабульное сходство с повестью Толстого «Поликушка».

В самом деле, читая некрасовскую «маленькую поэму», уже со второй строфы:

Род его тысячелетний
Не имел угла... (Н-15, III, 55)

улавливаешь поразительное сходство его судьбы – судьбы «неумытого, угрюмого, оплеванного, вечно пьяного» дворового – с историей толстовского «незначительного и замаранного» Поликушки из одноименной повести. Незадачливый Поликей у Толстого перепробовал все рабочие должности (чистильщик хлева, ткач, садовник, каменщик, коновал). И у Некрасова:

Ремесла Иван не знает,
Делай, что дают:
Шьет, кует, варит, строгают.

«Поликей любил выпить, а не любил, чтобы где что плохо лежало».
Таков и Иван:

... Грубит, ворует,
Божится и врет,
И за рюмочку целует
Ручки у господ (Н-15, III, 55)

Если Поликушка неравнодушен к игре купеческой барышни «в фортепьян» («Поиграл бы я, право!.. Я до этих делов ловок»), то и некрасовский Ванька –

Гитарист и соблазнитель
Деревенских дур... (Н-15, III, 57)

Трагическая история Поликея начинается с набора в рекруты, куда ему подпало идти – и Иванов барин мечтает:

«Лишь бы лоб ему забрили,
– Вешайся, потом!» (Н-15, III, 57)

Наконец, мрачная неотвратимость Поликушкиного исхода (повесился) во многом совпадает с шагом отчаяния Ивана, которого «чуть живого сняли с петли». И даже мотивы покушения на собственную жизнь у Поликея и Ивана сопряжены, хотя кроткий толстовский герой умер бессловесно, а герою Некрасова, в силу счастливой случайности, удалось высказать свою сокровенную обиду на господ:

«Хоть бы раз Иван Мосеич
Кто меня назвал!..» (Н-15, III, 57)

Но мотив, побудивший обоих крепостных крестьян рассчитаться с опостылевшей им «развеселой жизнью» таким страшным способом, конечно, един: корень зла не столько в барыне Поликушки и в барине Ивана, сколько в самом типе сложившихся отношений между помещиком и крестьянином, так как эти отношения мешают безопасности эксплуатируемого человека, направлены против единства человека со всеми людьми и поэтому не могут быть защитой от надвигавшегося тогда на деревню «мрачного духа». Тогда – это и в 1861–1862 годах, когда был написан «Поликушка», и в 1867 году, когда появилось стихотворение «Эй, Иван!».

В некрасовском стихотворении, естественно, нет психологизма, которым наделен толстовский Поликушка. Рамками прямой речи ограничено нравственное наполнение самосознания Ивана. Но вот «диалектика души» его вполне прослеживается сквозь восемь строф: от удручающего «выходного» портрета – через тысячелетнюю родословную Ивана, в которой потерялась его человеческая личность, ставшая знаком безремесленничества и пьянства, воровства и бесцельного волокитства – к отчаянию самоубийства – и кульминационной развязке этого «малого эпоса»:

«Хоть бы в каторгу уroda –
Лишь бы с рук долой».
К счастью, тут пришла свобода:
«С богом, милый мой!»
И, затерянный в народе,
Вдруг исчез Иван...
Как живешь, ты на свободе:
Где ты?.. Эй, Иван! (Н-15, III, 58)

Иронична авторская позиция относительно «пришедшей свободы». Холодком ужаса веет от авторской констатации насчет «исчезновения Ивана», «затерянного в народе»: что может быть страшнее стадного состояния бывшего крепостного? И, наконец, горька риторичность последних вопросов и восклицания, давшего название этой вещи: «Эй, Иван!». Он растворился как личность, или умер – что одно и то же. Такая вот «свобода», – как бы говорит Некрасов.

Подойдем теперь к этому сложному вопросу и с другой стороны. Вспомним, как некрасовские «крестьяне добродушные» однажды, при виде рыдающего помещика, «подумали про себя» (насчет реформы 1861 года):

Порвалась цепь великая,
Порвалась – расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!.. (Н-15, V, 83).

Социальная ситуация вследствие крестьянской реформы глубоко отразилась на положении и политической деятельности дворянства. Реформа была для русских помещиков своего рода историческим испытанием. И этого испытания русские помещики, в общем, не выдержали. В своем подавляющем большинстве они после реформы не обнаруживали ни заинтересованности, ни способности к решительному хозяйственному переустройству.

Вот как Толстой рисует первое появление барыни в своей повести: «Тут уже (речь идет о вербовке в рекруты. – А.Н.) барыня ничего не понимала, – пишет Толстой, – не понимала, что значили тут двойниковый жребий» и «добродетель» (эти доводы приводил приказчик. – А.Н.); она слышала только звуки и наблюдала нанковые пуговицы на сюртуке приказчика: верхнюю он, верно, реже застегивал, так она и плотно сидела, а средняя совсем оттянулась и висела, так что давно бы ее пришить надо было. Но, как всем известно, для разговора, особенно делового, совсем не нужно понимать того, что вам говорят, а нужно только помнить, что сам хочешь сказать. Так и поступала барыня» (Н-15, VII, 5).

Новый буржуазный лад не прельщал широкие слои консервативного дворянства, и они продолжали эксплуатировать крестьян старыми полуфеодальными способами. Неясности жизненных перспектив сопутствовали мотовство (вследствие этого значительная часть небогатого дворянства приходила к разорению) или хищническая скупка земель.

Это, конечно, отразилось и на политических позициях большинства русского дворянства и дворянской интеллигенции. Получив новые земли при выгодном распределении угодий, остро чувствуя недовольство и возмущение обобранных крестьян, дворянство еще больше, чем казалось, заинтересовано в сильно самодержавной власти. И если до 1891 года

Были зубы – били в зубы,
Нет – трещит скула (Н-15, III, 56)

– как было с Иваном, то теперь дворянство всецело поддерживает репрессии правительства по отношению к народу и демократическим кругам, увлекаясь поэтому религиозно-философскими поисками – в сфере лирического творчества по преимуществу (А.А. Фет). Писатели же, стоявшие на либеральных или консервативно-оппозиционных точках зрения (И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой) в период реформы испытывали глубокие

идейные колебания, приведшие в дальнейшем к идейному переходу в общедемократический лагерь.

Тема оскудения помещика-дворянина получила детальную обработку в талантливых очерках С.Н. Терпигорева, а вопрос об оскудении мужика, о разложении крестьянского быта, об общине, о городе, о кулаках и мироедах стал предметом внимательного изучения и отражения для целой школы писателей-народников, истинным основателем которой следует признать Некрасова с его великой поэмой о веселой жизни на Руси, и, определенно, с его «маленькой поэмой» «Эй, Иван!».

Оба писателя одинаково чувствовали «мрачность» шестого десятилетия XIX в. в России, где только что «отменили» крепостное право. Объединить эти два значительных произведения русской литературы 60-х годов позволяет подзаголовок некрасовского стихотворения: «тип недавнего прошлого», то есть тип времени создания толстовского «Поликушки»! А композиционное завершение повести Толстого и стихотворения Некрасова убеждает нас не только в сходном содержании этих произведений, но и в сходстве их авторских идейных позиций. Ожиданием перемены проникнута и цитированная выше строфа стихотворения, относящаяся ко времени, когда «пришла свобода» (то есть реформа 1861 года): «Как живешь ты на свободе? Где ты?.. Эй, Иван!». И повесть Толстого кончается тоже вопросом: все осталось как прежде, ужас совершившегося забыть нельзя. Жизнь застыла за наигранным весельем Дутловых, возвращающихся домой вместе с выкупленными на потерянные Поликушкой деньги Ильей и провозжаемых проклятием купленного ценой человеческой жизни рекрута.

Как видим, на социально-характерологическом уровне сопоставление толстовского и некрасовского **литературного типа** (Поликушка–Иван) не дает возможности оттенить какие-то особенности воплощения этого типа одним и другим писателем. Разница выявляется в анализе родовых и жанровых признаков прозы Толстого и стихотворной речи Некрасова. Но это уже тема специального исследования.

И венцом доброго отношения писателя-мыслителя к поэту-демократу могут служить слова, сказанные Толстым в 1905 году, о том, что в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» «есть места, из которых видно, что он действительно любил русский народ».

На волне творческой дискуссии

Но последний отзыв ужестораживает: «есть места». Значит, можно думать, другие «места» поэмы (и всей поэзии Некрасова?) Толстому могли чем-то не понравиться?

Если это так, то тому должны быть серьезные причины.

5 мая 1856 года на обеде у Тургенева Толстой, по его словам, был «глупо оскорблен стихом Некрасова» (ПССТ, XLVII, 69). Даже не имея точного сведения, мы можем предположить, какой мыслью поэта мог «оскорбиться» Толстой. Именно в это время среди писателей шли горячие споры о пушкинском и гоголевском направлениях в литературе. Толстой решает этот вопрос независимо от спорящих сторон, совершенно самостоятельно. Он считает «лучшим средством к истинному счастью в жизни» «цепкую паутину любви» – любви всеобъемлющей, распространяющейся «и на старушку, и

на ребенка, и на женщину, и на квартального» (ПССТ, XLVII, 71). Толстой впервые употребляет понятие «любовь» в том смысле, которым будет проникнуто мирозерцание писателя впоследствии. Раньше он говорил только «о добре». Из этого общего принципа у Толстого складывался также определенный взгляд на назначение и задачи литературы. «Все то, на что нужно негодовать, лучше обходить, – подчеркивает он в записной книжке 29 мая 1856 года. И продолжает: «Для женщины довольно будет и тех вещей, которые не возбуждают негодования, – любви. А у нас негодование, сатира, желчь сделались качествами».

Здесь коренится причина расхождения Толстого с направлением «Современника», которая впервые обозначалась в его письме к Некрасову от 2 июля 1856 года – так называемом письме «о «Современнике» и о злости», по словам самого автора. Считая, что «человек желчный, злой – не в нормальном положении», а человек любящий – напротив», Толстой, раздражаясь, сетует в письме на то, что Гоголя любят больше Пушкина, что стихи самого Некрасова «любимы из всех теперешних поэтов». Исключение делается для «последних стихов» Некрасова (можно предположить, что это – «Внимая ужасам войны...», «Поражена потерей невозвратной», «Праздник жизни...» или, может быть, «Как ты кротка...»), в которых «грусть и любовь, а не злоба, то есть ненависть» (ПССТ, LX, 75). Исходя из этого, можно считать, что в любимом Толстым «грустном» стихотворении «Замолкни, Муза мести и печали!...» концовка:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть

в лучшем случае смущало его: она выражала основную идею стихотворения, неадекватную тогдашним убеждениям Толстого.

Некрасов же любовь и ненависть не противопоставлял. Он видел их единство в разной направленности; любовь – людям труда, обездоленным; ненависть – к угнетателям («Он проповедует любовь/Враждебным словом отрицанья», «... и как любил он – ненавидя», «Клянусь, я честно ненавидел/Клянусь, я искренно любил!»).

К тому же, в письме Толстого «о злости» есть существенное противоречие. Толстой говорит, что быть возмущенным «очень скверно» и в то же время хвалит Белинского за то, что тот искренне «бывал возмущен». И, заметив в записной книжке: «все то, что нужно негодовать, лучше обходить», – он менее чем через две недели набрасывает начало комедии «Дворянское семейство», темой которой служит «окружающий разврат в деревне». Точно так же говоря, что только «человек любящий» находится в нормальном состоянии, он пишет письмо очень резкое и по тону, и по выражениям, в нем содержащимся.

Некрасов ответил Толстому 22 июля. Он пытается поразить Толстого его же оружием. «Нельзя, – пишет он, – чтоб все люди были созданы на нашу колодку. И коли в человеке есть что хорошее, то во имя этого хорошего не надо спешить произносить ему приговор за то, что в нем дурно или кажется дурным» (Н-12, X, 283–284).

Затем Некрасов переходит к основному вопросу, затронутому Толстым в его письме. Он пишет: «Вам теперь хорошо в деревне, и вы не понимаете, зачем злиться. Вы

говорите, что отношения к действительности должны быть здоровые, но забываете, что здоровые отношения могут быть только к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости – у нас ли мало к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, – то есть больше будем любить – любить не себя, а свою родину» (Н-12, X, 284).

Толстой ответил Некрасову в начале августа письмом, до нас, к сожалению, не дошедшим. Судя по ответному письму Некрасова от 22 августа, письмо Льва Николаевича было написано в примирительном духе. Он, видимо, старался смягчить тон своего резкого письма и написал о различии, которое он делает между Некрасовым-редактором и Некрасовым-человеком. В своем ответном письме Некрасов писал, что он был «несказанно доволен и тронут» последним письмом Толстого и думал о нем «с любовью». И далее в письме Некрасова читаем следующие знаменательные слова о его личном отношении к Толстому: «... ничто случившееся со времени нашего знакомства с Вами не убивало во мне симпатии к той сильной и правдивой личности, которую я угадывал по Вашим произведениям, еще не зная Вас. На мои глаза, в Вас происходит та душевная ломка, которую, в свою очередь, пережил всякий человек, и Вы отличаетесь только – к выгоде – отсутствием скрытности и пугливости» (Н-12, X, 291).

К этому Некрасов прибавляет еще свое мнение о Толстом как о писателе: «...я люблю еще в Вас великую надежду русской литературы, для которой Вы уже много сделали и для которой еще более сделаете, когда поймете, что в нашем отечестве роль писателя – есть, прежде всего, роль учителя и, по возможности, заступника за безгласных и приниженных» (Н-12, X, 291–292). Но Некрасову еще раз удалось доказать своему упорному оппоненту, что недооценка критического взгляда на жизнь уводит писателя от самой жизни. Летом 1857 года поэт писал:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,
Там вековая тишина (Н-15, II, 46).

Тогда же Толстой (возвратившись в это время из-за границы) 18 августа писал А.А. Толстой почти дословно то же: «В Петербурге, в Москве все что-то кричат, негодуют, ожидают чего-то, а в глуши происходит патриархальное варварство, воровство и беззаконие» (ПССТ, LX, 222). За шесть дней до этого подобная мысль в недошедшем до нас письме Некрасову, на которое тот веско мог ответить следующее: «Так Вам многое не понравилось вокруг Вас. Ну, теперь будете верить, что можно искренно, а не из фразы – ругаться» (Н-12, X, 360). Это Некрасов намекает на прошлогодние горячие споры Толстого в кругу «Современника». Тут же, как бы укрепляя свои позиции в споре с Толстым, Некрасов спешит сообщить ему о «длинных стихах, исполненных любви (не шутя) к Родине». Стихи (это была небольшая поэма «Тишина») понравились Толстому, но именно в той (первой!) части, где любовь к родине провозглашается хотя и проникновенно, но, так сказать, издали, в общих чертах (поэма создавалась по воз-

вращении Некрасова из-за границы) – как «увертюра» к разработке этой темы в последующих трех частях:

Все рожь кругом,
Как степь живая ...

«Первое превосходно, – писал он Некрасову про эту часть стихотворения, – это самородок». Когда же любовь к Родине, к «народу-герою» Некрасов пытается окрасить в конкретно-исторические тона:

Светлее твой венец терновый
Победоносного венца! (Н-15, IV, 54)

– Толстой здесь бездоказательно нарекает стихи «слабыми и сделанными». Мы не знаем, как прореагировал Толстой на 4-ю часть «Тишины», где говорится о смирении как одной из духовных черт русского народа. Не уточняет Толстой в дневнике и свое мнение («плохая вещь». – ПССТ, XLVIII, 8) о первоначальном варианте поэме «Несчастные», напечатанном в 1858 году.

Любопытен факт своеобразной косвенной дискуссии Толстого с Некрасовым ... через спор с близким тогда к поэту В.П. Боткиным.

Осенью 1857 года Толстой в письме к последнему рисует мрачную картину современной ему литературы (вспомним для сравнения приведенную выше полемику с Некрасовым): «Островский говорит, то его поймут через 700 лет, Писемский тоже, Гончаров в уголке потихоньку приглашает избранных послушать его роман ... Салтыков даже объяснил мне, что для изящной литературы теперь прошло время (и не для России теперь, а вообще), что во всей Европе Гомера и Гете перечитывать не будут больше... Наша литература, то есть поэзия, есть если не противозаконное, то ненормальное явление».

Боткин излагает Толстому свое понимание сложной ситуации современной им литературы. Он разъясняет, что обличительные рассказы нужны для пробуждения человеческого самосознания.

В противоположность мнению Толстого, он считает, что «поэзия нормальна, но только для малейшего меньшинства. Да и где же поэтические произведения существуют для большинства? В России появилась литература, понятная большинству. Оскорбленное чувство, как всякое оскорбление, требовало возмездия и бросилось с злым наслаждением читать рассказы о всяких общественных мошенничествах ... всякому они были близки и знакомы; явились читатели, которые прежде книги в руки не брали... В тихие интимные созерцания немногих людей истинного искусства – ворвалась наша грубая, гадкая практическая жизнь».

В этом же письме Боткин объясняет причины обращения литературы к обличительству с точки зрения патриотизма: «Вас приводит в недоумение новый путь, который приняла наша журнальная беллетристика; но разве Вы забыли, что Россия переживает первые дни после Крымской войны, ужаснувшие ее неспособностью, безурядицей

и всяческим воровством. Пороки, вкравшиеся в русскую общественность и к которым так привыкли, что считали их необходимыми, вдруг показались ужасными, когда пришли в соприкосновение с национальным чувством».

Некрасов и Боткин аналогично излагают Толстому свои сходные позиции по поводу текущего момента в русской литературе, несмотря на некоторые групповые расхождения во взглядах.

Если боткинско-некрасовское влияние в приведенном примере высвечивает, прежде всего «источник», определенным образом воздействующий на «объект», то другой факт целиком определяет самостоятельную принципиальную позицию самого Толстого по отношению к старшему товарищу по литературе и редактору Некрасову. Мы имели в виду историю с так называемым «Обязательным соглашением», которое было заключено зимой 1856 года Некрасовым и Чернышевским для объединения крупнейших писателей вокруг некрасовского журнала «Современник». 14 февраля 1856 года состоялось это «Соглашение», по которому с 1857 года Тургенев, Толстой, Григорович и Островский печатают свои произведения только в «Современнике». «Соглашение» воспринималось противниками «Современника» весьма серьезно, о чем свидетельствует хотя бы одно из писем А.В. Дружинина к Толстому, где он, испрашивая позволения печатать его и тургеневскую повесть в 1857 году в своей «Библиотеке для чтения», как бы вскользь замечает, что Григорович (несмотря на «Обязательное соглашение». – А.Н.), обещает для «Библиотеки...» свое произведение. В конце концов «Соглашение» не оправдало себя. Верен ему остался только Толстой как самый дисциплинированный участник «Соглашения». Но дело здесь даже не в том, что Толстой отдает свои сочинения в «Современник». Кроме этого, он вместе с Некрасовым ведет борьбу за выполнение соглашения. К началу 1857 года, когда «Соглашение» должно было начать действовать, «голова «Современника» была в одном Боткине, а трудящийся сотрудник у него один – это Толстой», – справедливо замечает тот же Дружинин 26 января 1857 года в письме к Тургеневу.

Некрасов в это время находится за границей. А Толстой выступает за действенность «Соглашения» на стороне Некрасова. Охладев к «эстетическим» идеям Дружинина, в 1857 году Толстой сближается с Боткиным, так что дело тут не столько во «влиянии» Некрасова и Чернышевского, сколько в дружеских чувствах Толстого к Некрасову, которому он решает помочь в редакторских делах. Не углубляясь в эту историю (в частности, не разясняя, почему попытки Толстого спасти «Обязательное соглашение» не увенчались успехом, почему после ликвидации «Соглашения» сам Толстой напечатал в «Современнике» лишь повесть «Альберт»; насколько «виноват» или «не виноват» в развале «Соглашения» Толстой, сам, якобы, намеревавшийся издавать «чисто эстетический журнал»), – коротко мы лишь утверждаем, что в этой истории Толстой выступает на стороне Некрасова. Им движет дружеское чувство к своему «крестному отцу» в литературе. Да и сотрудником «Современника» Толстой, смеем предположить, становится неслучайно: его влечет туда прежде всего личность Некрасова – мятущаяся, оригинальная и непредсказуемая; в его идеях видятся ему мысли о добре, о стремлении принести пользу ближнему, – что созвучно с толстовскими мыслями. Дружеские чувства побуждают Толстого помочь редактору в сложные времена для журнала.

Общение с Некрасовым в период сотрудничества в «Современнике» для молодого Толстого было одним из главных этапов жизненного и творческого пути.

«Задачи» же «момента» Некрасов и Толстой понимали по-разному. Это, между прочим, отразилось в читательской реакции на их произведения. Секретарь журнала «Беседа» Н. Лысцев вспоминал в 1903 г., что 60–70 годы демократически настроенные читательские круги признавали «бесспорно высокое почетное место» Толстого как автора «Войны и мира», но «настоящими же властителями дум читающей русской публики оставались в то время Салтыков-Щедрин и Некрасов». Сам Толстой уже после смерти Некрасова, в 1886 году, признавал, что Некрасов, Никитин и другие (поэты «некрасовской школы»), писавшие о народе «сочувственно», делали необходимое, «нужное» дело.

Не удивит нас субъективно-отрицательное отношение Толстого к стихам Некрасова и в период, когда он свою эстетику пытался втиснуть в рамки трактата «Что такое искусство?»: «Некрасов никогда поэтом не был» (1899).

Вечный риск субъективного взгляда

Всего точнее отношение Толстого к поэзии Некрасова выражает отзыв, данный в письме к Н.Н. Страхову от 27 января 1878 г., в год смерти Н.А. Некрасова: «По-моему, его место в литературе будет место Крылова. То же фальшивое простонародничанье и та же счастливая карьера – потрафил по вкусу времени – и то же невыработанное и не могущее быть выработанным – настоящее присутствие золота, – хотя и в малой пропорции и в не подлежащей очищению смеси» (ГТССТ, LXII, 379). Эта оценка, напоминающая, кстати, мнение Г.В. Плеханова (в статье «Н.А. Некрасов»), тем не менее, не истинна хотя бы потому, что противоречит толстовским же положительным оценкам творчества великого поэта, о которых шла речь выше. Но даже в этом, в общем-то, отрицательном, отзыве Толстой указывает на «настоящее присутствие золота» в поэзии Некрасова. Необходимо отметить то, что по мнению Н.Н. Гусева, «Толстому не приходилось видеть около себя тех ужасов крепостничества, какие видели в домах своих отцов Герцен, Некрасов, Тургенев, Салтыков-Щедрин – и потому Толстой; противник крепостного права, по личным впечатлениям не мог написать ничего, подобного ни хватающим за душу первым главам «Былого и дум» Герцена, ни скорбному стихотворению Некрасова «Родина», ни трогательному рассказу «Му-Му», ни потрясающей «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина». Нельзя не принять в расчет и авторитетного свидетельства А.М. Горького, который пишет, как Толстой в 1901 г. «рассказывал о Некрасове – холодно и скептически, но обо всех писателях так, словно это были дети, а он, знает все недостатки».

Не забудем и того, что в силу духовного склада своего Толстой большей частью равнодушно или даже отрицательно относится к стихотворной поэзии. Поэтому и высказывается о ней реже, чем о прозе, и часто пристрастно. В отношении к русской поэзии Толстой оставался и в своих высказываниях читателем, не заботясь об объективности оценок. В случае же с Некрасовым, как мы видели, определенную роль сыграла и разница в литературно-общественных позициях того и другого. Что касается художест-

венного различия этих двух мастеров русской литературы, один из которых жил и работал в неустанных поисках путей к всеобщей справедливости, а другой был «глашатаем истин вековых», то здесь у каждого было и свое видение мира, и свои средства изобразить этот путь правдиво. И Лев Толстой недаром записал в свою рабочую книжку в год выхода «Стихотворений» Николая Некрасова (1856): «Каждый должен говорить своим языком» (ПССТ, XLVII, 193).

Воистину так!

«Смерть Некрасова, – писал Толстой, – поразила меня. Мне жалко было его не как поэта, тем менее как руководителя общественного мнения, но как характер, который не пытаюсь выразить словами, но понимаю совершенно и даже люблю – не любовью, а любованием» (ПССТ, LXII, 396). Толстой не мог примириться с «прозаизмами» в стихах Некрасова, но характер поэта – резкий, иногда грубый, но прямой и искренний – импонировал Толстому. И хотя на вопрос, мог ли он быть другом Некрасова, Толстой ответил отрицательно, он любил его как человека «очень правдивого, прямого», «говорившего прямо и просто».

И, конечно же, эти «прямота и простота» характеризует и стихи, и редакторские пристрастия человека, который мерил русскую литературу одной жесткой меркой. Ею была, как известно, правда, нужная русскому обществу, которую он первым разглядел в таланте будущего автора «Войны и мира».

И хочется в заключение привести свидетельства толстовского мнения о Некрасове как человеке, ибо в нем больше, чем в деталях творческой эстетики, объективности и здравомыслия. И славно, что Толстой, как, бы помня о заслугах редактора Некрасова перед ним, оставил своим современникам свидетельства о поэте Некрасове по-человечески справедливые. «К Некрасову как к человеку, – мы читаем, например, у П.А. Сергеевко (мнение Толстого относится к 1890–1900-м годам и воспринимается как итоговое. – А.Н.), – Лев Николаевич относился с симпатией и, видимо, признает его влияние на себя. Однажды кто-то спросил у Льва Николаевича, ясен ли для него Некрасов как человек.

– О, вполне, – ответил Лев Николаевич. – Он мне очень нравился за свою прямоту, отсутствие всякого лицемерия. Всегда он открыто говорил о своих делах и чувствах, доводя иногда даже как бы до некоторого цинизма свою откровенность».

Да и прежде превалировало доброе отношение. Еще в 50-х годах при личных встречах Толстой проявлял, по словам самого Некрасова, «скрытое, но несомненное участие в нем» (Н-12, X, 275). В 70-х годах Толстой пишет Некрасову о том, что с ним связано у него «много хороших молодых воспоминаний» (ПССТ, LXII, 110).

Молодость иногда ошибается. Здесь – не ошиблась: зрелость это подтвердила.

Л и т е р а т у р а

1. Нестеренко, А.А. Лев Толстой о Некрасове / А.А. Нестеренко. Тематич. сб. науч. тр. вузов Мин-ва пров. Казахской ССР. – Алма-Ата, 1975. – Вып. 5: Русская литература.
2. Нестеренко, А.А. Лев Толстой о Некрасове: опыт анализа субъективных оценок // А.А. Нестеренко // Ист.-лит. сб. / Карабиха. – Вып. второй. – Ярославль, 1993.

Поступило 4.04.2008